

Малая жара только что миновала, и погода стояла невыносимо знойная, а послеполуденное солнце жгло пуще прежнего.

Нин Синчжи стоял у Зала Цзычэнь, и палящие лучи обжигали его тело, но при этом по нему то и дело пробегали леденящие мурашки.

Он опустил голову, спрятав руки в рукавах и сжав их в кулаки так, что ногти впились в ладони, перед глазами же всё ещё временами темнело.

Его тело слегка покачивалось, широкие одежды висели на нём, трепеща на ветру, а бледное лицо выдавало крайнюю слабость.

Ван Фуси стоял у дверей и наблюдал за происходящим, чувствуя укол жалости, но, переводя взгляд на молодого человека за императорским столом — с холодным лицом и внушающим невольный трепет величием, — он молча унимал этот порыв.

Нин Синчжи не знал, сколько уже здесь простоял. Пока Не Сюань соизволит принять его, он готов стоять здесь хоть до скончания веков.

Прошло уже три года с тех пор, как не стало покойной императрицы, и за всё это время Не Сюань не сказал ему ни единого слова, не удостоил даже мимолётным взглядом. Эта встреча — первая за три года — далась ему ценой невероятных усилий.

Нин Синчжи поднял глаза на парадные двери Зала Цзычэнь, пытаясь мысленно пробиться сквозь преграды к тому, кто скрывался за ними, но ослепительный блеск роскошного дворца резал глаза, оставляя лишь сплошную бельевую пелену.

Сквозь туман в сознании Нин Синчжи слышался чей-то голос, звавший его. Он попытался откликнуться, но звук отдалялся всё сильнее, пока совсем не исчез.

Нин Синчжи не поднимал головы: он боялся, что, увидев Не Сюаня, лишится дар речи. Глубоко поклонившись, он проговорил приглушенным голосом:

— Мне не нужно ничего другого, я лишь прошу вторую брата не отворачиваться от меня.

Не Сюань бросил:

— Говори.

Взгляд Нин Синчжи был мягок, словно вода, и таящуюся в нём глубокую преданность невозможно было не заметить. Рука Не Сюаня сжалась сильнее, едва не переломав Нин Синчжи подбородок. В его глазах читался еще больший холод, смешанный с едва уловимым убийственным намерением: Нин Синчжи прекрасно знал, что он питает отвращение к связи с мужчинами, но всё равно посмел испытывать к нему такие чувства — он поистине заслуживал

смерти.

Тело Нин Синчжи отчаянно ослабло, он попытался подняться, желая приблизиться к Не Сюаню, но стоило ему встать, как голову пронзило головокружение, и он рухнул обратно на постель.

Глаза Нин Синчжи покраснели, и, с трудом сдерживаясь, он вновь позвал:

— Второй брат.

— С каких пор в тебе завелись эти мысли? — спросил Не Сюань.

— Я... — сердце Нин Синчжи бешено колотилось. Он знал, что не должен говорить этого, но предложение Не Сюаня было слишком заманчивым, и он боялся упустить шанс, ведь второго случая в этой жизни ему уже не представится.

— Пф-ф... — Не Сюань усмехнулся. Он наклонился, ухватил Нин Синчжи за подбородок и заставил смотреть прямо на себя: — Хватит притворяться здесь! Ты теперь имеешь заслуги в основании династии, у тебя высокий пост, щедрое жалование, роскошные экипажи и красавицы. Чего бы ты ни пожелал — только назови, и я исполню любое твоё желание.

— Второй брат, — окликнул Не Сюаня Нин Синчжи, но тот по-прежнему смотрел на него с абсолютно бесстрастным лицом.

Опираясь на кровать, Нин Синчжи опустился на колени и, отвесив поклон, произнес:

— Да продлит Ваше Величество годы!

Не Сюань пристально глядел на Нин Синчжи. Губы юноши шевелились, но слова, сорвавшиеся с них, были настолько шокирующими, что Не Сюань на мгновение подумал, будто ему послышалось:

— Что ты сказал?

Не Сюань обернулся и посмотрел на Нин Синчжи. Лунный свет освещал половину его лица, белого и чистого, как нефрит, но в глазах не было ни капли тепла — от этого взгляда Нин Синчжи пробрало ледяной дрожью.

У окна стоял человек — высокий и стройный, неподвижный и величавый, словно замерший в ожидании лебедя журавль. Его повседневные одежды из дани, поднесенной ко двору, отливали серебром в лунном свете. Кто это мог быть, если не Не Сюань?

— Ха, — холодно усмехнулся Не Сюань. Как этот подлый, бесстыдный негодяй, готовый на любые средства, мог не иметь никаких желаний? И впрямь, он не вынес проверки.

Когда он очнулся, небо уже совсем потемнело. Комната была погружена во мрак, огонь не зажигали, и лишь слабый лунный свет из окна добавлял ей немного тусклого сияния.

Не Сюань не позволил Нин Синчжи подняться. Он подошел к нему и, глядя сверху вниз, произнес:

— Ради казни Князя Чэн и захвата нефритовой печати ты был готов даже расстаться с жизнью. Теперь ты выжил — так говори, какую награду хочешь?

Не Сюань наконец заговорил, и его голос прозвучал холодно:

— Ты перешел границы дозволенного.

Слова Не Сюаня рухнули тяжелым камнем на сердце Нин Синчжи. В его глазах мелькнуло замешательство, и он невольно переспросил:

— Любое?

Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Закрыв глаза, Нин Синчжи усмирив бушующие в груди чувства, посмотрел на Не Сюаня и повторил:

— Я хочу второго брата.

Движения Нин Синчжи наконец привлекли внимание Не Сюаня.

Нин Синчжи почувствовал тяжелый удар в грудь: перед глазами стояла картина из прошлого, когда он звал Не Сюаня высоцветием, а тот запрещал ему это и заставлял называть вторым братом. Теперь же всё изменилось до неузнаваемости.

Нин Синчжи крепко сжал губы, отказываясь говорить. Как он мог признаться Не Сюаню, что с самого детства питал к нему чувства и что именно сны о Не Сюане пробудили в нем первые любовные желания?

Видя, что Нин Синчжи молчит, Не Сюань с отвращением оттолкнул его и, глядя на него сверху вниз, процедил:

— Мерзость.

С этими словами он широким шагом вышел из комнаты.

Неизвестно, когда за окном поднялся ветер, подпорка соскочила, створки тяжело захлопнулись, и в покоях мгновенно воцарилась непроглядная тьма.

Конец.

Нин Синчжи опустил голову и невольно рассмеялся. До чего же он смешон! Как он мог высказать подобное безумное желание? Теперь-то Не Сюань наверняка отдалится от него еще сильнее, не так ли?

Постепенно смех затих, слёзы помимо воли покатались по щекам, а сердце сжалось в тугой комок. Отныне у него, пожалуй, не останется даже шанса взглянуть на Не Сюаня издалека.

Неизвестно, сколько он просидел на полу — до тех пор, пока ноги совсем не онемели. В этот момент Нин Синчжи услышал приближающиеся шаги, и комната снова озарилась светом.

Ван Фуси во главе с десятком служанок и евнухов вошел внутрь. Увидев сидящего на полу Нин Синчжи, он поспешно бросился к нему и помог подняться:

— Ох, малый господин, что же вы на полу сидите?

Нин Синчжи был компаньоном Не Сюаня с шести лет, и Ван Фуси фактически вырастил его на своих глазах. Он очень любил Нин Синчжи и искренне радовался их близости с Не Сюанем, радуясь, что рядом с будущим императором находится столь живой и одухотворенный юноша. Кто бы мог подумать, что из-за смерти покойной императрицы с трудом открытое сердце Не Сюаня вновь захлопнется, а сам он станет еще холоднее и безжизненнее, чем прежде.

Ван Фуси усадил Нин Синчжи на кровать и тихо уговаривал:

— Малый господин, пусть старый слуга скажет лишнее: Ваше Величество относится к вам по-особенному. Все недомолвки между вами и Его Величеством — стоит только обо всем поговорить, и он непременно всё поймет.

Нин Синчжи плотно сжал губы и покачал головой. Он не мог сказать ни слова.

Заметив упрямство Нин Синчжи, Ван Фуси тяжело вздохнул. Нин Синчжи был во всем хорош, но страдал излишним упрямством.

Ван Фуси вгляделся в помрачневшее лицо юноши, собираясь что-то сказать, но так и не нашелся со словами. В конце концов он покачал головой и поплелся к выходу.

Уже у дверей он махнул рукой в сторону залы, не в силах больше смотреть на это.

Придворные слуги окружили Нин Синчжи плотным кольцом. Тот на мгновение растерялся, но попытался взять себя в руки:

— Что вы делаете?

Главная служанка, женщина лет тридцати по имени Цао Ин, была прислана из Палаты одеяний. С ее презрительным выражением лица и фальшивой улыбкой она произнесла:

— Его Величество приказал нам послужить господину. Надеюсь, вы окажете нам содействие, ведь Ваше Величество всё еще ждет вас в Зале Цзычэнь.

Пока она говорила, служанки без лишних слов принялись развязывать пояс на одежде Нин Синчжи. Тот после тяжелой болезни был еще крайне слаб, а солнечный удар окончательно подорвал его силы, и не успел он опомниться, как служанки сорвали с него всё, оставив лишь в нижних штанах.

Сняв с Нин Синчжи одежду, они приподняли ткань, скрывавшую стоявший рядом поднос, на котором лежали яркие женские одежды. Нин Синчжи тут же отчаянно забился:

— Я не буду это надевать!

Цао Ин усмехнулась:

— Ваше Величество изволил сказать: если господин желает остаться, пусть наденет это платье; а коли не хочет — волен убраться на все четыре стороны.

Нин Синчжи внезапно прекратил сопротивление. Уйти — значит навсегда разорвать все связи с Не Сюанем и больше никогда в жизни не увидеться. Но если остаться...

Глядя на расшитое платье на подносе, Нин Синчжи бессильно опустил руки, полностью отдавая себя на волю служанок.

Служанки облачили его в наряд, а Цао Ин тем временем аккуратно причесала и накрасила лицо.

Нин Синчжи от природы обладал чертами лица, в которых мягкость черт сочеталась с мужской статью, но в женском платье его облик утратил былую изломанную лихость, обретя особую нежность и плавность. А легкая болезненность на щеках делала его по-настоящему трогательным и вызывающим жалость.

Закончив с макияжем, служанки с фонарями разошлись по сторонам. Цао Ин произнесла:

— Прошу вас, господин.

Нин Синчжи с трудом переставлял ноги. Едва выйдя за порог, он увидел, что длинные галереи по обе стороны забиты людьми, а на площади перед залом патрулирует вдвое больше стражников, чем обычно.

Он уже было сделал шаг назад, порываясь переодеться в собственную одежду и уйти, но стоило ему вспомнить о Не Сюане, как все мысли о бегстве мгновенно испарились.

Заметив, что Нин Синчжи замер на месте, Цао Ин насмешливо фыркнула:

— Господин, вы еще успеете передумать.

Нин Синчжи оставил ее слова без ответа. Глубоко вздохнув, он ступил вперед.

Все взгляды тотчас устремились на него. Тело Нин Синчжи одеревенело, и он с трудом пошел по направлению к парадному Залу Цзычэнь. Расстояние, казалось бы, было совсем небольшим, но сейчас оно казалось непреодолимой пропастью.

Ван Фуси ждал Нин Синчжи у входа в Зал Цзычэнь. Увидев его, он на мгновение замер, а затем снова тяжело вздохнул.

— Проходите, малый господин.

Ван Фуси проводил Нин Синчжи до задних покоев и, дождавшись, пока тот войдет, увел остальных слуг.

Не Сюань уже переоделся в ночные одежды, его волосы были распущены, но это ничуть не умаляло его грозного величия.

Половина свечей в задних покоях была потушена, а полумрак придавал обстановке пикантности. Дыхание Нин Синчжи внезапно стало легким и поверхностным.

Не Сюань прищурился, глядя на него. Он с самого начала знал, что Нин Синчжи красив лицом, но никогда не испытывал к нему подобных чувств. Теперь же, глядя на юношу в женском платье, он почувствовал, как в груди что-то дрогнуло, и поманил его пальцем.

Нин Синчжи приблизился к Не Сюаню, но, дойдя до кровати, снова растерялся, не зная, что делать.

Не Сюань с загадочной улыбкой смотрел на него:

— Разве не ты говорил, что хочешь меня? Или мне еще нужно учить тебя, как это делается?

Горло Нин Синчжи перехватило от нахлынувшей растерянности.

Он еще ни разу не был женат, у него не было наложниц и он даже любовных романов почти не читал — он совершенно не представлял, как себя вести.

Не Сюань полулежал на изголовье кровати, с интересом наблюдая за ним.

Лихорадочно вспоминая сюжеты из прочитанных свитков, Нин Синчжи с трудом приблизился

к Не Сюаню, крепко зажмурился, чмокнул его в уголок губ и тут же поспешно отпрянул.

Аромат пудры, смешанный с легким запахом лекарств, проник в нос Не Сюаня. Мягкость чужих губ исчезла мгновенно — в ней не было ни капли воображаемого отвращения, напротив, нечто неуловимо отличное от женского тепла вызывало желание разобраться во всем до конца.

Нин Синчжи отвернулся, не смея взглянуть на Не Сюаня, боясь увидеть в его глазах отвращение, но тут его талию крепко обхватили, мир перевернулся, и он оказался распростертым на императорском ложе.

<http://bllate.org/book/22060/2293770>